

Беглецы

Ученый подошел к раскрытому окну, плотно захлопнул его и задернул штору. Сразу стало тихо. Теперь можно спокойно читать рукопись.

Слова поддавались расшифровке не сразу. Многие из них были сокращены, и вместо семи или девяти букв стояло всего две, а над ними красовалась затейливая завитушка. На отдельном листке бумаги историк выписал столбиком условные значки, которые попадались в тексте, а справа от них поместил расшифровку. Теперь дело пошло быстрее. Бумажный листок рядом со старинной рукописью выглядел странно: тонкий, легкий, белый, он удивительно не гармонировал с толстыми и тяжелыми желтоватыми страницами рукописи, сделанными из тщательно выдубленной телячьей кожи (пергамена) и переплетенными в папку из бычьей кожи. Эту папку прошили серебряными нитками, а на сгибах скрепили бронзовыми пластинками.

Снова и снова ученый вчитывался в уже разобранный текст. Автором его был, конечно, монах. Ведь в то время одни монахи знали грамоту настолько, чтобы написать целую книгу. Да и фразы выдавали составителя: часто встречались выдержки из молитв и упоминался бог. Но, если не считать этого, монаху все же следовало отдать должное: отвлекался он в сторону немного и вел речь в основном о деле. Летописец сумел донести до нас через тысячелетие взволнованное дыхание своего времени. Так правдиво вел он затейливую нить рассказа, что ученый необыкновенно живо представил себе франкских крестьян: и несчастного Гаутзельма, и весельчака Адалольда, и отчаянного Гарингавда, и покорного Эббона, и гордого Нитада. А порой ему чудилось, что стены комнаты раздвигаются, вдали показывается кавалькада мчащихся рысью рыцарей и он слышит выкрики «гу-гу-гу!», с которыми мужики бьют косами по ногам рыцарских коней...

...Гаутзельм тряхнул головой, отполз подальше в лесную тень и попытался еще раз вспомнить, с чего все началось. В тот день с самого утра дела шли не так, как надо. Он давно сговорился с Геирлиндой о женитьбе, даже присмотрел холм, у подножия которого построит хижину. На этом холме с пологим скатом, мотревшим в сторону солнца, славный зырастет виноград, а землю между домом и ручьем перекопают под огород. Сторож (тот, что спит в будке у могогирских ворот) обещал дать огородных семян, и у них будут свой горох, своя репа. В дупле старого дуба, растущего у оврага, Гаутзельм давно уже припрятал обернутые в тряпку отцовский заступ, мотыгу и медное блюдо, которое он купил у заезжего купца на недавней ярмарке (она каждый год собирается у стен монастыря). Меж корней того же дуба он закопал мешочек с шестью серебряными монетами. Гаутзельм долго собирал эти деньги, зато теперь им хватит и на кур, и на поросят, а может быть, и на корову...

Но все мечты Гаутзельма развеялись как утренний дымок над монастырской кухней. Отец Геирлинды должен был внести аббатиссе (главе женского монастыря) ко дню святого Илария свой оброк: пять куриц, пятнадцать яиц, мешок полбы — и заплатить две медные монеты, а еще отвезти на монастырский двор урожай с виноградника, что возле старой часовни в лесу, и, кроме того, изготовить повозку и двадцать жердей для изгороди.

Увы, его семье не повезло. Лисица утащила всех кур, какие были в доме Геирлинды. Вместо них можно было внести деньги. Но за колеса, что сделал ее отец, дали в соседнем селении только шесть медных монет. Всего хуже было то, что на обратном пути попался ему проклятый детина — оруженосец господина тамошнего селения, доблестного рыцаря Альбрика, чтобы им обоим сломать себе ноги!

Этот парень отнял у старика все деньги, а за то, что Геирлинда убежала от него и даже не захотела с ним разговаривать, вдобавок избил старика и пообещал поступить с его дочкой худо.

К тому же сдох осел, и не на чем было везти виноград.

А когда старик принес аббатиссе полбу, колеса и жерди, святая мать взамен недостающей части оброка потребовала двенадцать медных монет. Откуда же их взять?

Но если не внесешь вовремя оброк, можно и своего надела земли лишиться. Аббатисса уже пригрозила...

Чтобы удержать надел, семье пришлось проститься с дочерью. Горько плакала ее мать, угрюмо глядели братья, отец ушел в поле, чтобы не видеть горя семьи, а Гаутзельм так прямо места себе не находил! Бедную девушку привели на монастырский двор. В волосы ее вплели черную ленту, конец ленты обернули вокруг пояса. Потом имя Геирлинды занесли в грамоту и прочитали собравшимся, что девушка «посвятила себя господу». Три раза ударил колокол, и все кончилось. Невеста Гаутзельма навеки пропала для него.

Рядом послышался шорох. Перед Гаутзельмом стояли три парня, одетые по-крестьянски. Одного из них он знал. Это был Эббон, каждый день без конца таскавший воду к монастырским воротам. Тихий и безропотный, он ни от чего не отказывался, так что однажды аббатисса, эта толстая гусыня, сказала, что Эббон после смерти сразу попадет в райские рощи. Гаутзельм тогда подумал, что неплохо бродить по рощам и на этом свете, а уж таскать воду больше того, что записано в монастырском документе, он бы не стал.

Зная Эббона, Гаутзельм не испугался незнакомцев, как видно, друживших с Эббоном. Один из них, Гарингавд, глядел хмуро и всякий раз лишь стискивал зубы да с силой дергал траву, когда его товарищ рассказывал, как некий рыцарь, исхлестав его плеткой, заставил для своей потехи облизать языком каменный крест на развилке дорог. Или как граф из соседнего герцогства подвешивал за ноги крестьян, не сдавших оброк.

Но зато Гаутзельм не смог удержаться от хохота, когда Адалольд стал показывать, как выступали на ярмарке бродячие жонглеры.

Пришел черед и Гаутзельма поведать о себе. На вопросы Эббона, что же он думает делать дальше, Гаутзельм только качал головой. Старая хижина у него сгорела. Геирлинда отдана навсегда в монастырь, а жениться на другой девушке он не хочет: в их деревне оставались незамужем одни крепостные, а он был свободным франком и не хотел, чтобы его дети потеряли свободу. Уйти куда-нибудь? Но куда? Зачем? Землю ни один сеньор не даст даром. Получишь надел, а потом всю жизнь плати за него оброк. Или, еще хуже, — отработывай барщину.

Можно отправиться на королевские земли... Да только и там повинности тяжелые: дважды в год являйся на воинские сборы, а за оружие, что дадут тебе из казны, отработывай! Да дороги надо чинить, да реки очищать, да мосты и крепости строить, да лес охранять. Да мало ли чего потребует королевский приказчик! А не выполнишь — продадут тебя в крепостные, и прощай, свобода! Парни долго молчали. Каждый думал о своей судьбе, о нелегкой крестьянской доле. Потом молчаливый Гарингавд, еле разжимая рот и цедя слова, стал тихо рассказывать о случае в деревне, откуда он и Адалольд были родом. Два года назад, в сильную грозу, когда молния зажгла барскую усадьбу, обгорели и покорежились все кожаные грамоты, да так, что приказчик не смог потом разобрать, что в них записано. А был он назначен на свое место недавно, жителей деревни еще не знал, и мужики сказали ему, что все они свободные франки и что на них нет повинностей.

Но год спустя приехал на пепелище барской усадьбы сам сеньор, долго живший в другом поместье. Когда он узнал, что вот уже два лета никто не работает на барщине и не платит оброков, то пришел в ярость и назначил господский суд. Сначала судебные заседатели ничего не могли доказать. Все крестьяне, как один, говорили, что они от рождения свободные. Но потом приказчик пообещал нескольким мужикам дать им документ, где будет сказано, что они навсегда освобождаются от всяких податей и поборов. Семь человек не выдержали и продали своих соседей: поклялись, положив руку на святую книгу, что их соседи — внуки людей, купленных отцом нынешнего сеньора за господские деньги. После этого почти все подчинились.

Только Гарингавд и его друг Адалольд не захотели признать себя крепостными и убежали. Вот уже год, как они бродят по стране. Нанимались на работу в церкви или за небольшую плату помогали пахарям на их наделах. Три месяца прожили на ярмарке: грузили и перетаскивали купеческие кули.

Общая доля сблизила парней. В тот же день они сговорились жить вместе в лесу, промышлять охотой или чем удастся, а хлеб и овощи выменивать в деревнях. Даже робкий Эббон не отстал от компании. У Гаутзельма повеселели глаза, Гарингавд раздвинул насупленные брови, Адалольд завертелся вьюном. Весело шли они берегом вниз по течению реки, как вдруг послышался рип уключин. Беглецы едва успели залезть в кусты, как мимо них проскользнула большая лодка, весел на двадцать с каждой стороны. Ее нос высоко вздымался, на конце его блестела металлическая шишка, парус был приспущен и

приторочен к невысокой мачте. На носу стоял немолодой воин в тяжелых доспехах и шарил глазами обоим берегам. Над высокими краями лодки видны были только косматые рыжие головы гребцов да их обнаженные плечи.

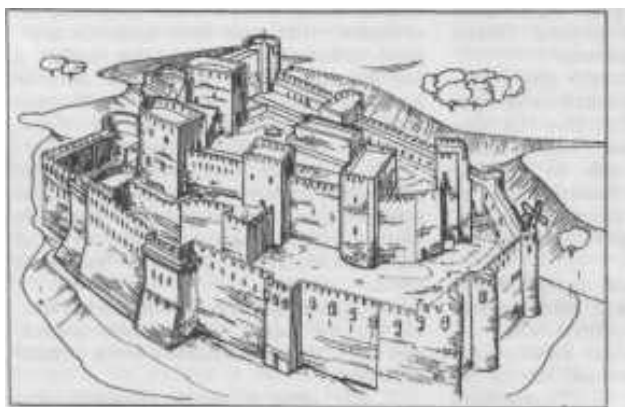
«Северные люди», — прошептал Адалольд. О, Граутзельм хорошо знал, кто это! Он был еще мальчиком, когда норманны, т. е. «северные люди», впервые появились в их округе. Ограбив все прибрежные селения, пришельцы исчезли так же внезапно, как и появились. И вот они опять вернулись. Гаутзельм понял, что от его деревни теперь не останется ни кола, ни двора!..

Несколько дней Гаутзельм и его товарищи бродили в лесах. Но когда пошедший по воду Эббон прибежал со словами, что мимо него вниз по течению проплыли нагруженные добычей все четыре лодки «северных людей» и что в одной из них он видел связанную Геирлинду, парни, не сговариваясь, направились к селению.

Что же они увидели? Вместо домов — обгорелые пеньки. Одинокие крестьяне ковырялись среди золы. Не было слышно ни кудахтанья кур, ни мычания коров. То там, то тут валялись трупы людей.

С болью смотрел Гаутзельм на места, где он вырос. Оборвалась последняя нить, что привязывала его к родной деревне.

...Все лето и осень прожили беглецы в лесу. Иногда они ходили за полбой и репой в расположенное неподалеку королевское поместье, познакомились с его обитателями. Тамошним мужикам жилось также несладко. Особенно досаждал им местный королевский чиновник. Чванный и грубый, он даже по отношению к приказчику поместья держался надменно, свысока отдавал распоряжения и задирает голову так, будто он король. На крестьян он даже не смотрел, а равнодушно скользил взглядом по их склоненным спинам. Если кто-нибудь из них осмеливался встретиться с ним глазами как равный с равным, его лицо гневно вспыхивало, и он приказывал бить провинившегося бичом. Но досталось и королевскому чиновнику. Отправившись куда-то по делам в сопровождении двух слуг, он обогнал на дороге путника, бедно одетого и простолюдина по виду. Это был возвращавшийся домой ветеран — опытный воин, не раз ходивший в походы на саксов и бретонцев. Когда повозка с имуществом чиновника обдала воина грязью, он догнал ее и, схватив за колесо, опрокинул в канаву. Взбешенный чиновник пустил своего огромного жеребца вскачь на старика, но тот хладнокровно всадил лошади стрелу прямо в грудь и с секирой в руке бросился на обидчика. Слуги едва успели спасти своего господина. Но с того времени чиновник всегда ездил с большой охраной.

Замок начала XIII в. Реконструкция замка крестоносцев Крак в Палестине. За первым рядом стен с башнями воздвигалась еще более высокая стена. Подобные замки были практически неприступны и могли пасть только после длительной осады.

Сельскохозяйственные работы средневековых крестьян-земледельцев: сев, жатва, обмолот. С миниатюры XIV в.

Нападение рыцарей на крестьян. С миниатюры XII в.

Ветерана звали Нитад. После стычки с чиновником ему тоже пришлось бежать в лес. Там он и встретился с Гаутзельмом и его товарищами. Гаутзельм с восхищением смотрел на Нитада, всегда спокойного и уверенного в себе. Среди бела дня наведывался тот в поместье за припасами. Все крестьяне первыми здоровались с Нитадом, а приказчик делал вид, что не замечает его. Если же приезжал чиновник или его люди, приказчик потихоньку извещал Нитада и старый воин не спеша уходил.

Как-то раз с Нитадом повстречался оруженосец рыцаря Альбрика, тот самый, что обидел отца Геирлинды. Нитад в это время тащил в чашу подбитую им лань. Не зная, с кем имеет дело, наглый обидчик попытался отнять добычу, но был намертво сражен первым же ответным ударом. В лесу Нитад тоже вел себя независимо и даже повелительно. Это раздражало Гарингавда, который утратил теперь в компании положение вожака.

В ночь, когда ударили первые заморозки, лесные скитальцы, чтобы согреться, разожгли на опушке костер. Адалольд, грустно смотревший в сторону деревни, откуда пахло кислыми лепешками, вдруг резко повернулся лицом к дороге. Другие тоже замолчали. Вскоре послышался отдаленный шум, а затем вдали замелькали мясные огни. В поместье будто бы что-то горело. Когда возбужденный Гаутельм с товарищами подбежали к деревне, исчезли последние сомнения. Над барской усадьбой мелькали языки пламени, а между домами, сталкиваясь друг с другом, металась люда. Неподалеку несколько мужиков размахивали косами, силясь подрезать жилы на ногах у лошадей, а всадники пытались дотянуться до косарей мечами, но безуспешно. Одного из всадников Гаутельм узнал сразу — это был королевский чиновник, то и дело поднимавший своего жеребца на дыбы, чтобы увернуться от свистящих кос. Гаутельм только еще выдергивал кол из плетня, когда мимо него пронесся Нитад. Старик с удивительной для своих лет легкостью подпрыгнул, схватил вороного жеребца за узду, а другой рукой сдернул чиновника на землю. Когда Гаутельм подбежал, все было кончено.

Увидев, что их хозяин убит, люда чиновника прекратили сопротивление. Мужики их отпустили, а труп ненавистного королевского прислужника бросили в реку. Два дня полыхала барская усадьба, и целый месяц крестьяне веселились и торжествовали. Но потом стало худо. Прибыли войска. Король повелел графу расправиться с восставшими. Тот созвал своих вассалов, и вскоре к его отряду примкнуло несколько десятков рыцарей. Многие из них привели с собой своих вассалов, так что можно было оглохнуть от завывания боевых рожков. Нечего было и думать о сопротивлении: на каждого крестьянина приходилось по два опытных воина. Мужики послали Адалольда в соседнюю деревню за подмогой, но его учуяли собаки оруженосцев, гонявшие по полю зайцев. Адалольд взобрался на холм, где стояла церковь: хотел спастись от гибели за ее оградой. Однако несколько рыцарских слуг, не переступая заветной линии, дальше которой нельзя было пускать в ход оружие, заарканили беглеца. Адалольд отчаянно орудовал ножом и успел пару ремней перерезать. Все же его вытащили наружу...

Вторым погиб бедняга Эббон. Когда его товарищи, засев за плетнем, отбивались от рыцарей, молодой галл, сидя позади них, строгал палки, засаживал на них выкованные сельским кузнецом наконечники и подавал стрелы Нитаду. Тот же, ловко управляясь с луком, не подпускал рыцарей близко к плетню. Увлеченный тем, что творилось впереди, Эббон позабыл, что нужно посматривать и назад. Между тем один из оруженосцев подполз близко и с

силой метнул шагов с двадцати секиру. Без единого звука юноша рухнул на землю, и Гаутзельм едва успел произнести над своим другом слова прощания, как всем им пришлось бежать.

Повсюду виднелись фигуры разбегавшихся по полю крестьян. Королевские слуги настигали их и рубили. Гаутзельм с разбега прыгнул в реку, выбрался на другой берег и заполз в камышовые заросли. Вокруг свистели стрелы, разносились крики и стоны... Когда Гаутзельм наконец-то добрался до леса, рядом с ним не было ни Нитада, ни Гарингавда. Много позже он узнал, что угрюмого франка, яростно отбивавшегося до последнего, скрутили и задушили ремнями. Следы же старого воина затерялись.

Отправление крестьян на барщину. С миниатюры XIV в.

Крестьянин с плугом. Плуг с отвалом. XII в.

* * *

...Лампочка замигала и потухла, наверное, перегорела. Однако ученый продолжал сидеть за столом, положив ладони на жесткий пергамен. Рукопись была разобрана до конца, но расставаться с ней не хотелось. Историк казалось, что он слышит колокольный звон. Несутся протяжные звуки, наполняют собой воздух, переливаются и замирают, а им вторят снизу стоны замученных крестьян.